

* * *

когда метель впадает в чёрный лес
приобрети плетение словес
не в колокше не в вологде нигде
но в беспокойной мартовской воде
где бред и бредень тонкая леса
пронизывает бусин словеса
пуглива рыба и вода жива
вдоль рукава ледышки-кружева
большой моллюск холодного песка
ворочающий телом языка
плетение словес зелёный прут
ком белой глины с красной перетрут
большой глоток воды на полпути
приобрети его изобрети

* * *

радиола, радиоприемли
бой курантов, голоса кремля.
новый год обнюхивает землю,
и бледнеет в ужасе земля.
белая тревожная равнина
сорок дней рыдала, не спала.
натюрморт: варенье, апельсины,
ёлки-палки посреди стола.
ты зачем на стол-то приволок их? –
лучше бы орехов и конфет...
что нам, право, до саней далёких,
свет небесный, одинокий фет...

* * *

Завтра выпадет снег, заметая прогалины слов.
Лёд у края ведра. Торфяные колодцы ослепли.
Я сотку тебе плащ, заплетая колючие стебли –
Кровохлёбку, багульник, иртышник и болиголов.
Сохрани тебя мох от остынувших рук или рек.
Не таскай моих слов, по дырявым карманам не помни.
Танец сорванных рук, обнажённые локти и комли,
Соль горячей земли. Потому завтра выпадет снег.

* * *

Мы срубили не дерево – нейросеть,
алгоритм стремления к небесам.
Наломали веток. Смогли посметь.
Развели костёр. Понимаешь сам.
До беды я ютилась в твоём ребре,
но уже наполняют слова Грааль.
Иглы русой хвои горят в костре,
изгибаясь в огненную спираль.
Говори: слова прогоняют ночь,
Увлекают в сторону, как лыжня.
Иглы хвои (и я не могу помочь)
догорают. Поэтому ты меня
не боишься; не смотришь в сырой туман;
не полюбишь, не дашь подержать руки.
А потом наступает анжамбеман,
срыв системы, падение
с полстроки.

* * *

Цыгане идут по поезду от Кайска до Лапшанги.
Снежит кропотливо, боязно. Вокруг не видать ни зги.
Кому вы здесь нашаманите, расскажете, что потом,
Кому усмехнёшься, мамонька, своим златозубым ртом?

Из Кайска-то едут каяться, и тянет локомотив,
Малой цыганёнок мается, мать за руку ухватив.
Хреново остаться маленьким в такой-то большой стране,
Такой-то смешной окалинкой на треснутом чугуне.

* * *

*побудь с яблоком, с его зёрнами,
жемчужной мякотью, алым боком
Вера Полозкова*

побудь с батоном – тугими корками,
песчаным мякишем, рыжим боком –
в небольшом купе за смешными шторками,
шаря по лесу мутным оком,
не моргая, гляди в еловую
полутьму, усмехайся жутче,
пока курицу безголовую
расчленяет в руках попутчик,
ешь батон в неизвестной области,
по железным гремя дорогам,
и не жди от пространства подлости
в этом месте, забытом Богом.

Вакхическая ода

с посвящением Д. А.

Зачем я здесь? Что держит здесь меня?
Иду домой. Ты точно будешь там.
Под пальцами – твоих волос стерня.
Она скребёт по латам и щитам
Моих защит. Мне страшно. Не убей.
Найди рычаг, опору, тормоза.
На светлой кухне варишь мне глинтвейн,
Привычно шуришь пьяные глаза.

В моей квартире окон и дверей
Достаточно. Но горница полна
Народом разномастным. Не зверей
От красных лиц и красного вина.
Запечатлеть, запомнить, воспевать
Твои черты. Черты твоих чертей.
Скрипя, елозит по полу кровать,
Гитары бьют по головам гостей.
Уже смирившись с воплями гитар,
Стоим, обнявшись, чтобы пробрало.
Пусти меня. Я – не своя, не та.
Мне плохо здесь. Мне тесно. Тяжело.

Пример словоупотребления

У нас ничего не случается всуе.
Ржавеет лопата. Наверно, к весне –
Приметил сосед по фамилии Зуев,
Показывал мне. А кому, как не мне.

Ещё притворялся, что видит узоры
На чайнике чёрном, что там изнутри
Леса и моря, города и озёра.
Трещит не приёмник – поют снегири.

Под вечер в метель снегирей выключали,
Катился к весне котелок со стола,
А выпуск газеты дветыщипечальный
Вздымал еле-еле два мятых крыла.

Сворачивал Зуев прокуренный ватник,
Ворочался, кашлял, кряхтел: не могу.

Наверно, к весне почерневший оршатник
Стоит за окном по колено в снегу.